

УДК 21

**ПРОБЛЕМА БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВА И СМЫСЛА ЖИЗНИ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА****А.С. Лимаренко
Мариуполь, Украина*

Проблема Богочеловечества и смысла жизни человека не две самостоятельные проблемы русской философской антропологии, это две стороны единого и целостного явления в русской духовной культуре конца XIX – начала XX в., учения о человеке. В самом деле, цели и смысл жизни русские мыслители видели в служении Богу, в жизни с Богом. Трубецкой, Франк, Несмелов считали, что реальная человеческая жизнь не имеет смысла, что жизнь человека без Бога это обман радостей жизни, душевная и нравственная болезнь. Смысл жизни русские религиозные философы видели в богообщении, «обоженнии», следовании Слову Божьему, в конечном счете, в спасении, а это есть Богочеловечество, так как под Богочеловечеством понимается союз Бога и человека в космической истории. Возникает вопрос, почему в России конца XIX – начала XX века, при наличии различных направлений философской антропологии (материалистического, представленного революционным различничеством, естественнонаучным материализмом и т.д.) наиболее широкое признание получила религиозная антропология? Почему именно в это время проблема человека в России приобрела ярко выраженный религиозный характер? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к условиям жизни России и вытекающим из них особенностям русской культуры, ее ментальным первоосновам – противоречивости, несовместимости крайностей (бинарности) и т.д. Ведь сама проблема вызвана спецификой русской культуры, это одна из культурных проблем, и она является отражением тех духовных процессов, которые характерны для России 19–20 вв.

Вместе с тем вопрос о целях и смысле жизни человека не является предметом широко научного интереса среди философов, антропологов XX века, в советской и постсоветской науке. Этот вопрос затронут в публикациях некоторых философов, социологов, этиков.

Но анализ имеющихся публикаций по проблеме богочеловечества и смысла жизни в русской религиозной философии дает основание считать, что она лишь обозначена, но отнюдь не исследована.

Мировоззренческие искания русских философов, причисляющих себя к самым различным духовным веяниям, имеют особенность – тема человека никогда не исчезала и не растворялась. Более того, это была не просто тема, а некий стержень, вокруг которого разворачивались многообразные философские сюжеты. Русская философия не только захватывает в свою орбиту человека, но гораздо чаще вообще исходит из этого феномена при истолковании любых философских проблем. Таким образом, антропологический вопрос был поставлен в России гораздо глубже и радикальнее, чем в Западной Европе. Человек в русской философии осмысливается как некая соборность в иерархии бытия. Персоналистски ориентированная русская философия не озабочена тем, как подчинить мир человеку, она выдвигает перед ним нравственные императивы – в этом проявляется самобытный характер русской культуры.

Вопрос о специфических особенностях русской культуры достаточно широко раскрыт представителем русской религиозной философии Н.А. Бердяевым.

Он раскрыл не только противоречивый характер русской культуры, но и причины, ее породившие.

Началом всех начал Бердяев считает не Бога-творца, в отличие от других философов, а Непостижимую Первореальность. По Бердяеву, Бог не создает природу как причина – следствие: Бог творит ее в том отношении, что придает ей ценность. Следуя за немецким мистиком Якобом Бёме, Бердяев называет эту первореальность бездной, из которой «вечно рождаются Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой». Эта бездна *Ungrund* сосуществует с Богом. Из этого небытия Бог сотворил мир, меоническая свобода «согласилась» на акт творения. Соответственно человек есть «дитя Божие и дитя свободы», несотворенного меона. Таким образом, свобода не сотворена Богом, а коренится в «бездне небытия». Этим Бердяев объясняет необъяснимое влечение человека к злу. Следовательно, Бог не несет ответственности за мировое зло, он есть источник только положительных ценностей, но власти у него меньше, «чем у полицейского».

Поскольку человек несет в себе свободу и Бога в себе, то в душе человека происходит борьба между Богом и свободой. Миф о грехопадении свидетельствует, по Бердяеву, о бессилии Творца предотвратить зло, исходящее от свободы, которую Он не сотворил. Тогда Бог действует вторично в отношении человека, он нисходит в мир и появляется в нем в образе Искупителя, как Сын Божий Иисус Христос, принимающий на себя грехи мира. Божественное самораспятие должно победить меоническую свободу просветлением ее изнутри.

Человек творит Бога по своему образу и подобию: человек не может быть автономным от Бога, образ человека разлагается, когда нет в душе Бога. В отличие от официального православного богословия, Бердяев считает, что мир возникает в результате добровольного самоограничения Бога, и Бог нуждается в человеке для реализации своих планов творения мира, ибо вне человека нет и бога. Союз между Богом и человеком возможен лишь между существами однородными. Бог находит себе достойный предмет действия, иначе ему не на что было бы воздействовать. Человек Бердяева нейтрален реальному бытию. Такая установка Бердяева была характерна особенно по отношению к личности, которая не является продуктом ни биологического, ни социального развития, она не формируется обществом. По Бердяеву, извне идущие социальные воздействия на человека требуют приспособления к социальной обыденности, к требованиям государства, нации и т.д. Это ввергает человека в атмосферу полезной лжи, лишает его свободы.

Бог Бердяева – это Дух. Божественное выходит за пределы естественного мира и может раскрывать себя только символически. Бог в концепции Бердяева есть *Ungrund*, т.е. бездна, откуда рождается святая Троица, он – Творец мира.

Бердяев различает три вида свободы: изначальную иррациональную свободу, предшествующую выбору между добром и злом, далее – рациональную свободу самого выбора, и положительную свободу, свободу к Богу, когда человек выбирает Бога. Бердяев считает Бога – Духом, Богом добра и творчества. Поскольку Бог – есть творец, постольку человек его образ и подобие – он есть тоже творец.

Таким образом, человек – центральная проблема философии Бердяева. Человек, с одной стороны, выступает как существо природное – в этом плане он греховен, а, с другой стороны, человек является существом божественным. Таким образом, человек – пересечение двух миров – низшего и высшего. В высшем плане человек – личность. Но вознесение человека к Богу возможно лишь на основе человеческого творчества, осененного божественной благодатью. Хри-

стианство есть религия, по Бердяеву, не только Бога-Отца, но и Бога-Сына, т.е. религия Богочеловека. Человек создан, чтобы, в свою очередь, стать творцом, но в отличие от Бога человек нуждается в материале для того творить. Но трагедия творчества человека состоит в несоответствии творческого замысла с его осуществлением. Религия, по Бердяеву, есть связь между Богом и человеком. Бог рождается в человеке, и человек рождается в Боге. Бог ждет от человека творческого и свободного ответа. С этим связана тайна Богочеловечества, единства в двойственности. Однако в силу изначальной раздвоенности судьба человека всегда трагична. Нельзя не согласиться с философом Левицким, который охарактеризовал религиозную метафизику Н.А. Бердяева как «бросающую вызов многим традиционным представлениям о Боге». (Левицкий С.А.)

Однако концепция «Богочеловека» направлена против христианского учения о человеке и Боге, где человек – творение Бога, но не есть Бог. Человек у Бердяева существо дуалистическое: тварное и божественное. Это противоречие двух начал – природного или тварного и божественного – сущность их философской антропологии, т.е. Бердяев исходит из диалектического признания единства Бога и человека. Мир божественный и мир земной также едины. Общим является то, что проблема Богочеловека Бердяевым решается в рамках христианского мировоззрения.

Философия Н.А. Бердяева является ценной для современного понимания прав и свобод личности, её верховной ценности.

УДК 316.42

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ «ТЬМА» ПРОСВЕЩЕНИЯ? (После «Сумерек Просвещения» В. В. Розанова)

И.В. Жук
Минск, Беларусь

*«Я хочу раз и навсегда не знать много. –
Мудрость полагает границы также и познанию».*
Фридрих Ницше «Сумерки идолов» [1, с. 558]

Кто же ныне может позволить себе отказаться от Просвещения в «просвещенной Европе» в эпоху всеобщей доступности информации. Под информационным обществом понимают новое состояние постиндустриального социума, в котором, согласно Е. Масуде, информация становится важнейшим ресурсом и основой богатства общества, которое обеспечивается сетевыми синергетическими связями свободно функционирующих локальных сообществ. Базовая ценность технократической цивилизации не меняется: «время – деньги». А поскольку еще и «знание – сила», постольку информационные технологии призваны обеспечить более эффективное воспроизводство богатства и власти. «Техногенный человек» тешит себя тем, что будто бы поймал в сетях Интернета время – «золотую рыбку» плутократии.